

В.Т. Рязанов

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ МОДЕЛЬ РУССКИХ НАРОДНИКОВ И РОССИЙСКИЙ ПУТЬ В ЭКОНОМИКЕ

В статье анализируются оригинальные взгляды русских народников на природу российского хозяйства и на возможность его рыночного реформирования. Совокупность этих взглядов представляет собой обоснование российского пути в экономике после реформы 1861 г. Их новаторское значение для экономической науки было дополнено разработкой продуманной платформы проведения назревших преобразований в хозяйственной системе России конца XIX века. Подчеркивается, что теоретические взгляды и практические рекомендации не потеряли свое значение в российской исторической практике.

Ключевые слова: славянофилы, народничество, русская экономическая школа, хозяйственная модель, смешанная экономика, кооперация, российский путь в экономике.

Непрерывное сопровождение модернизационных процессов в России контрреформами и революционными потрясениями, так же как не столь убедительные экономические последствия активизации формирования рыночных отношений, побуждают внимательно разобраться со стратегией и борьбой идей, лежащих в основе реформирования общества и экономики. В истории российской экономической мысли уже давно обнаружилось принципиальное несоответствие взглядов на определение наиболее приемлемого для нашей страны общественно-экономического пути. Из дискуссий прошлого особого внимания заслуживает разработка русскими народниками альтернативного варианта экономических преобразований в России, в котором наиболее полно и ярко был представлен проект, который с достаточным основанием можно трактовать в качестве варианта «российского пути в экономике».

Собственно центральной проблемой общественно-экономической мысли, отчетливо сформировавшейся в процессе осмысления Петровских реформ, стало взаимоотношение России и Запада (Европы), вокруг которой разгорелся спор о том, идти ли нашей стране вслед за Европой или искать свой самобытный путь. Впервые наиболее четко размежевание по данному вопросу произошло в ходе дискуссии между западниками и славянофилами в конце 30-х гг. XIX в. об исторических путях развития России. Об этом уже писал П.А. Чаадаев в 1829 г., как

Виктор Тимофеевич Рязанов — доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической теории Санкт-Петербургского государственного университета (v.rjazanov@mail.ru).

бы предвзято будучи споры, когда утверждал, что «мы должны от начала повторить на себе все воспитание человеческого рода»¹. Не вдаваясь в детали самой дискуссии, которая носила по преимуществу историсофский характер, обратим внимание прежде всего на то, что участвующие в ней славянофилы впервые методологически четко сформулировали и обосновали потребность в выработке «русской точки зрения» на происходящие процессы в мире и, конечно же, в собственной стране². Выяснение славянофильской позиции полезно не только с точки зрения понимания места России в мировом историческом процессе, но и для осмысления истоков экономической платформы русских народников как продолжателей данного направления общественно-экономической мысли после земельной реформы 1861 г.

Историческое значение русских славянофилов (А.С. Хомякова, И.В. и П.В. Киреевских, Ю.Ф. Самарина, К.С. Аксакова, А.И. Кошелева и др.) заключается в том, что они, перестав смотреть на мир и свою страну через «западные очки», смогли преодолеть внутри себя подражательную зависимость от Запада, отказаться от несамостоятельного и нетворческого восприятия его как некоего эталона, высшей и единственно возможной цивилизации. Отсюда можно сделать вывод по поводу исторической заслуги славянофилов. Она состоит в том, что они заложили основы *национального самосознания и национального мировоззрения* по широкому кругу вопросов³. Позднее, в 1891 г. один из наиболее самобытных русских философов К.Н. Леонтьев, близкий по духу к славянофилам так оценивал их роль: «Славянофилы всегда хотели, чтобы Россия жила *своим умом*, чтобы она была самобытна не только как сильное государство, но и как своеобразная государственность»⁴. В этом в первую очередь видится привлекательность и современность их позиции, а не те или иные конкретные формулировки и подходы.

Вместе с тем «русская точка зрения» не замыкалась на критике, она стимулировала возрождение внимания к исторически существовавшим первоосновам России, к которым славянофилы относили общинность и артельность в хозяйственной организации народной жизни, соборность в государственном

¹ Чаадаев П.Я. Статьи и письма. М., 1989. С. 51.

² Подробнее о самой дискуссии славянофилов и западников см.: Рязанов В.Т. Экономическое развитие России. Реформы и российское хозяйство в XIX–XX вв. СПб., 1998. С.157–173.

³ Не случайно, когда отгремели самые громкие споры между славянофилами и западниками и они, казалось бы, ушли в историю Ф.М. Достоевский в конце своей жизни в продиктованных им автобиографических сведениях счел нужным указать, что по убеждениям своим он «открытый славянофил» (Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений. Т. 27. М., 1984. С. 121).

⁴ Леонтьев К.Н. Восток, Россия и славянство. М., 1996. С. 687.

устройстве и ключевую роль православия для судьбы России, ее культуры и духовной жизни.

Самобытность самого объекта изучения направляла общественную мысль по неизведанному пути. По этому поводу характерно высказывание Н.А. Бердяева. Для него славянофилы были первыми «русскими европейцами», «которые стали мыслить самостоятельно, которые оказались на высоте европейской культуры, которые не только усвоили себе европейскую культуру, но и пытались в ней творчески участвовать...»⁵

Есть еще один важный контекст развиваемых славянофилами идей, имеющий отношение к выработке курса реформ. Возвращаясь к историческим основам, связанным с православием и его традициями, они не только отвергали волну секуляризации, захватившую западный мир, считая, что она его погубит, но этим выразили насущную потребность в восстановлении утраченного мировоззренческого и культурного единства правящего класса, образованной части общества с простым народом, составляющим подавляющее большинство населения страны.

При этом сам такой раскол в обществе славянофильские идеологи связывали с тем, что русское православие наследовало византийскую традицию, ставшую в основании народной культуры, а отделившаяся от нее светская культура правящего и образованного класса целиком восприняла западно-европейскую, которой были присущи противоположные ценности и устремления. Поэтому, выступая против секуляризации российского общества и за возрождение православия, славянофилы не просто обозначили потребность в преодолении раскола, но и предложили свой способ его устранения: своего рода второе и осмысленное принятие православия европейски образованной частью общества, а значит ее возвращение таким путем к историческим истокам России.

Если споры западников и славянофилов в середине XIX в. носили преимущественно общий историософский характер и находились довольно далеко от хозяйственной деятельности, то в последующие десятилетия эпицентром становится борьба за выбор курса непосредственно в экономике. В этом нашла отражение дальнейшая конкретизация ранее зафиксированных различий по вопросу о том, каким путем двигаться стране, но уже с обращением к экономике как к решающей сфере. В это время она окончательно выходит на приоритетные позиции, а потому не случайно туда же перемещается самая содержательная часть дискуссий, и в ней складываются полярные взгляды.

⁵ *Бердяев Н.А.* А.С. Хомяков. М., 1912. С. 3.

При этом уже в то время обращалось внимание на преемственность народничества со славянофильством. Об этом писал П.Б. Струве, который не видел принципиальной разницы между славянофильством и новым народничеством, считая, что в своих главных направлениях, к которым он относил поиск самобытного пути развития и мессианские настроения относительно роли России, они образовали, по его определению, единую «славянофильско-народническую теорию»⁶. Об этом же писал и Н.А. Бердяев⁷.

В известном смысле в народничестве, пусть в недостаточно выраженной форме, отразилась потребность в синтезе враждующих направлений русской общественной мысли. В частности, через Герцена и Чернышевского в него проникли идеи западного социализма. В этом смысле концепцию «русского социализма», разрабатываемую народниками, можно рассматривать в качестве конкретной попытки соединить русские начала общественной жизни с одной из возможных линий развития европейского общества, в то время достаточно авторитетной и популярной. Но главный их вклад состоит в том, что ими разрабатывалась концепция *российского пути в экономике* с обоснованием методов его реализации на практике. В этом историческое значение народнической школы, этим она интересна и актуальна для нас. Поэтому полезен анализ ее подхода, конкретных оценок, так же как рассмотрение причин неудач и ухода с политической арены.

В ее создании велика роль наиболее известных русских экономистов-народников В.П. Воронцова и Н.Ф. Даниельсона. Первый опубликовал свои сочинения под инициалами В.В., второй — под псевдонимом Николай-онь. Оправданность выделения этих двух экономистов подтверждается тем, что они являлись наиболее выдающимися представителями экономической школы народничества. Собственно с книги Воронцова «Судьбы капитализма в России» (1882) началась многолетняя научная дискуссия, которую еще предстоит переосмыслить по-новому.

Заслугой народнической экономической школы является то, что она вслед за А.И. Герценом и Н.Г. Чернышевским одной из первых в мировой экономической мысли поставила проблему мирного и эволюционного «минования» фазы первоначального накопления капитала, вместо нее предложив свой вариант некапиталистического пути обеспечения прогресса, принципиально отличавшийся от марксистской версии революционного перехода к социализму

⁶Струве П.Б. *Patriotica*: Сборник статей за пять лет. СПб., 1911. С. 42.

⁷«Славянофилы были основоположниками того народничества, которое столь характерно для русской мысли XIX века, и потом приняло религиозные формы» (Бердяев Н.А. *Истоки и смысл русского коммунизма*. М., 1990. С. 26).

как посткапиталистической фазе. Этим экономисты-народники предвосхитили многие теории и политические платформы, распространившиеся по всему миру, особенно «третьему», в середине XX в. Именно это дало основание современному итальянскому ученому Ф. Баттистраде сделать вывод, что русская народническая мысль в 80-е гг. XIX в представляла собой наивысший продукт культурного и политического развития не только России, но и всей Европы⁸. Такая высокая оценка, если сопоставить развитие экономических взглядов в рассматриваемый период в нашей стране и в мировой экономической науке, заслуживает того, чтобы к ней присоединиться, отдавая должное заслугам русских экономистов-народников.

Исходным пунктом в концепции российского пути экономического развития у народников была оценка крестьянской реформы 1861 г. как самобытного русского изобретения, рожденного под влиянием специфических условий хозяйствования. Что ими понималось под такой специфичностью? Прежде всего, это наличие качественно неоднородной экономической структуры, которая включала в себе два противоборствующих типа (уклада) хозяйства. Первый образовался за счет форм производства, при которых орудия труда принадлежат самим производителям с использованием в большинстве случаев общинного (общественного) начала в распределении земли. Этот уклад Воронцов и Даниельсон называли «народным производством». Второй связан с появлением и распространением капиталистических форм производства, которые основываются на традиционном для данных форм безусловном отделении производителей от владения орудиями производства. Их противостояние, по мнению В.П.Воронцова, означало, что «одновременное процветание обоих немислимо, и помощь, оказываемая одному из них, выдвигает препятствия развитию другого»⁹.

Качественная неоднородность и противоречивость экономической структуры российского хозяйства, а это была эмпирически наблюдаемая реальность, признавалась фактически всеми участниками идейной и политической борьбы того периода, но выводы из нее делались противоположные. Народники доказывали, что развитие «народного производства» для России более оправданно, и

⁸ Баттистрада Ф. Народничество и большевизм // Свободная мысль. 1991. № 16. С. 8.

⁹ В.В. [Воронцов]. Судьбы капитализма в России. СПб., 1882. С. 220. В свою очередь Н.Ф. Даниельсон также указывал, что развитие капиталистического и народного производства «по существу находится между собой в антагонизме», развитие одного «может произойти исключительно за счет другого» (см.: Николай-онъ [Даниельсон]. Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства. СПб., 1893. С. 323).

с ним связывали использование имеющихся исторических преимуществ. Такой путь даст шанс избежать острых противоречий и конфликтов, имманентно заложенных в самом механизме первоначального накопления капитала, через который ранее прошли страны Запада, испытывая при этом драматические коллизии.

Что же касается их идейных противников, то они делали ставку на развитие классического (западного) капитализма в России, т.е. на повторение исторически апробированной схемы, хотя мотивы такого выбора между разными течениями приверженцев данной позиции не совпадали. К примеру, П. Струве утверждал: «...Капитализм развивается потому, что он при данных условиях есть *единственно возможная* [курсив мой. — В.Р.] форма подъема производительных сил страны, а такого подъема, не говоря уже о расширении потребностей, требует рост населения»¹⁰.

В первую очередь Воронцов и Даниельсон утверждали, что опора на капитализм не соответствует историческим традициям России и при этом противоречит наличным объективным и субъективным условиям, к которым они относили общинность и артельность в организации основной части общественного производства, коллективизм в массовом сознании и неразвитость института частной собственности на землю. И в этом они воспроизводили давнюю традицию понимания российского пути развития как самобытного.

В отличие от своих оппонентов, экономисты-народники положительно и сочувственно оценивали такие хозяйственные устои (исторические институты) России, как общину и артель, связывая с их развитием надежды на экономический подъем и будущее процветание. В этом смысле русские народники и прежде всего Воронцов и Даниельсон могут быть охарактеризованы как первые институционалисты в России. Сам подход с позиции историзма, синтеза экономического и социального, оценки и методы, которые на этой основе были выработаны в процессе изучения хозяйственного развития России, впоследствии оказались в научном арсенале институционального направления мировой экономической мысли.

Вместо курса на разрушение экономисты-самобытники логично делали ставку на эволюционность преобразований, призывая «прекратить ломку нашей веками сложившейся формы производства, основанной на владении орудиями производства самими непосредственными производителями». Тем самым ими,

¹⁰ Струве П. Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России. СПб., 1894. С. 287.

можно сказать, предвиделись грядущие «губительные последствия» от этой ломки и для населения, и для всего государства¹¹.

Этим их подход принципиально отличался от оценок легальных марксистов и либеральных экономистов, которые высказывали значительно более оптимистические оценки будущего капиталистического процветания России. Можно привести, скажем один из прогнозов раннего С.Н. Булгакова, который утверждал, что капитализм может развиваться за счет создания внутреннего рынка в этом случае «русскому капитализму предстоит еще обширное и блестящее будущее»¹².

Как подтвердила реальная история, прогнозы и предупреждения русских народников об опасности попыток радикальных ломок национального строя, которые осмысленно прозвучали в 80-90-е гг. XIX в., оказались пророческими, хотя и свершились не в те сроки. Но они, к сожалению, не были услышаны и должным образом оценены властью и политическими силами, сложившимися к тому времени в российском обществе.

И здесь важное значение приобретает общая оценка экономистами-народниками хозяйственной политики царского правительства. Они точно зафиксировали ее двойственность. С одной стороны, замысел реформы 1861 г., связанный с наделением землей непосредственных производителей-крестьян, предполагал и требовал в таком случае последовательности, т.е. содействия и помощи со стороны государства в развитии «народного производства». Вместо этого правительство через установление несоразмерно высоких выкупных платежей за землю, непрерывно растущие налоги и сборы занималось не укреплением, а удушением крестьянского хозяйства как уклада.

Экономисты-народники в обоснование неизбежности выбора некапиталистического пути развития России доказывали существование объективных пределов, препятствующих органичному и относительно безболезненному утверждению капиталистического хозяйствования. Такие ограничители (Даниельсон определял их как «пределы в развитии капитализма») связывались в первую очередь с обеднением большинства населения (крестьянства) как закономерного результата форсирования первоначального накопления капитала, которое сужало внутренний рынок и этим сдерживало развитие капиталистического производства. Из этого делался вывод, что капиталистическая организация

¹¹ *Николай-онъ [Даниельсон]*. Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства. С. 345–346.

¹² *Булгаков С.Н.* О рынках при капиталистическом производстве: Теоретический этюд. М., 1897. С. 225.

«вступила в своего рода заколдованный круг: для ее процветания необходимо богатое население, но каждый ее шаг на пути развития сопровождается обеднением последнего; развитие капиталистического производства ведет к обеднению народа, а это обеднение подрывает существование указанной формы промышленности»¹³.

Напротив, развитие крестьянских хозяйств, повышая их благосостояние, в объяснении народников, как раз создавало здоровые предпосылки, т.е. высокую платежеспособность населения, чтобы обеспечить подъем промышленности.

Наконец, народниками рассматривался и вариант ускорения роста капиталистического производства за счет активного внедрения на внешние рынки. Но здесь оценки для народного хозяйства России были неутешительные, как и для любой молодой страны, стремящейся проникнуть на мировые рынки. Более низкая конкурентоспособность товаров (даже хлеба) из-за технического отставания, нехватка капитала, неблагоприятные климатические условия, дополнительные затраты по доставке товаров — все это делало весьма проблематичным возможность проникновения на внешние рынки. Даже в случае, если бы российская промышленность получила часть мирового рынка, она не могла бы ее эффективно эксплуатировать в силу более низкой производительности труда, а потому и относительной дороговизны продукции. Таково было их заключение.

Бесспорно, самый сложный вопрос для народников, как и для их противников, заключался не в поиске критических аргументов против капитализма. Их было предостаточно. Значительно труднее было разработать конкретные рекомендации, позволяющие обеспечить поступательный прогресс России. Ведь узловой в тот период была проблема ускоренного подъема производительных сил страны и преодоления разрыва с ушедшими вперед странами Запада. Вел ли предлагаемый народниками путь опоры на свои экономические устои и традиции к консервации архаичных форм хозяйствования с замедленным экономическим ростом или давал исторический шанс освободиться от пут отсталости путем быстрого прогресса?

Абсолютно точный ответ на поставленный вопрос дать сегодня вряд ли возможно. Формально народнический проект экономического развития России был отвергнут, а политические силы непосредственно на него ориентирующиеся потерпели поражение. Однако из этого совсем не следует вывод о банкротстве самой идеи русского пути в экономике. На самом деле ситуация значительно

¹³В.В. [Воронцов]. Судьбы капитализма в России. С. 275.

многозначнее. Рассмотрим, какими основными параметрами характеризовался будущий экономический строй России и за счет каких преобразований он мог быть достигнут.

Можно выделить несколько наиболее принципиальных направлений в экономической политике государства, предлагаемых народниками для реализации самобытного некапиталистического пути развития России.

Во-первых, ими с полным основанием выделялась приоритетность сельского хозяйства. Ведь эта отрасль в народном хозяйстве была ведущей, да и подавляющая часть населения (80%) проживала в деревнях. Развивать его предлагалось через укрепление крестьянских хозяйств с добровольным поддержанием в них общинных начал. Причем в отличие от одной из правительственных групп (министра внутренних дел В.К. Плеве), также выступавших до первой русской революции за сохранение общинности, но с одновременной защитой помещичьего землепользования, народники отстаивали необходимость передачи земли помещиков в руки крестьян с использованием системы государственного выкупа, которая позволяла остановить прогрессирующее их обезземеление¹⁴. Обосновывалась также важность снятия налогового и выкупного бремени с крестьянства, оказание ему государственной помощи и содействия, в частности, через кредиты. Все это требовалось, для того чтобы создать нормальные экономические условия, способствующие прогрессу в сельском хозяйстве, а значит, повышению платежеспособного спроса основной части населения и за счёт этого расширению внутреннего рынка.

Во-вторых, народники считали, что на начальном этапе преобразований особых перспектив для крупной промышленности в России не имеется. Поэтому более целесообразной является опора на мелкое кустарное и ремесленное производство; но его использование они связывали с переходом к артельной организации труда, которую они понимали как разновидность «народного производства».

Казалось бы, с точки зрения проведения индустриализации страны и подтягивания к передовому экономическому уровню такая рекомендация уязвима. Зато у нее есть свое достоинство в том, что касается необходимости созда-

¹⁴Характерна такая пометка Н.Ф. Даниельсона, направленная в адрес П.Б. Струве: «Все сторонники обезземеления крестьянства и развития капитализма — а у нас расплодилось за последнее время очень много — упускают из виду одно обстоятельство: куда денутся обезземеленные и чем будет существовать капитализм» (*Николай-онъ [Даниельсон]*. Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства. С. 344).

ния массового слоя товаропроизводителей с внедренным в него конкурентно-рыночным механизмом.

В-третьих, народники выработали свое собственное отношение к уже сложившейся крупной промышленности. Суть их позиции состояла в следующем: то, что нельзя трансформировать в артельную организацию производства, должно быть превращено в «народно-общественную форму» (Н.Ф. Даниельсон), при котором производство направляется на удовлетворение потребностей всего общества. Иначе говоря, предлагались национализация крупной промышленности и дальнейшее укрепление государственного сектора с общественным контролем.

В-четвертых, отталкиваясь от вывода об ограниченной роли внешнего рынка для стимулирования роста капиталистического производства в России, народники закономерно пришли к обоснованию необходимости сделать главный акцент на формирование внутреннего рынка. Они считали, что для этого требуется не только использовать традиционный протекционистский механизм защиты отечественных рынков от иностранных конкурентов, но и заботиться об их расширении — иначе производство погибнет под тяжестью своих собственных успехов, так как не станет развиваться.

В этих выработанных в 80-90-е гг. XIX в. в недрах народнической платформы направлениях проведения экономической политики отчетливо обнаруживаются контуры будущего экономического строя страны, если следовать предложенным курсом. Причем экономическая доктрина народников в этой части отличалась в лучшую сторону как от концепции приверженцев «чистого капитализма» (либералов), стоящих на позиции безусловного доминирования частной собственности и исключаящих все остальные уклады, так и от концепции борцов за посткапиталистическую экономику (социалистов), конструирующих будущее устройство хозяйства на принципах отрицания капиталистических и докапиталистических форм производства с их превращением в единую общественную, а фактически государственную форму собственности.

В отличие от этих двух широко распространенных течений в политике и в экономической науке русские народники одними из первых в стране и раньше, чем экономическая мысль на Западе, приступили к разработке модели смешанной, многосекторной экономики, построенной не на достижении гомогенности (однородности) в экономическом устройстве путем поглощения ведущим укладом всех остальных (по гегелевской схеме — через механизм снятия низших форм высшими), а на признании возможности взаимного сосуществования, параллельного и согласованного развития разных форм собственности и

хозяйствования, лежащих в основании национальной экономики. Многоукладность собственности и хозяйствования создавала самую благоприятную среду для учета широкого разнообразия условий экономической жизни и одновременно позволяла обеспечить адекватное организационное приспособление экономики. Это была новая и смелая постановка проблемы экономического развития. Она лежала в русле традиций русской философской школы¹⁵.

Будущий экономический строй России мыслился как *российская разнородность смешанной (многоукладной) экономики*, которая развивается за счет трех основных укладов: крестьянско-общинного, артельно-промышленного и государственного. Причем такой экономический порядок имел свой внутренний потенциал саморазвития, связанный с гармоничной трансформацией мелкотоварного хозяйства в кооперативный уклад, у которого значительно больше возможности для ускоренного роста. Можно заключить, что последователи Воронцова и Даниельсона (особенно такие «поздние народники», как А.В. Чаянов, Н.Д. Кондратьев и др.) одними из первых в экономической теории и в хозяйственной практике смогли найти продуманный механизм приспособления общинно-крестьянских хозяйств к современным требованиям посредством развития кооперирования, а значит, разработали новый вариант системной трансформации традиционного производства, отличающийся от западного опыта. Это было новое слово для того времени.

Одновременно по мере накопления ресурсов должна была развиваться крупная промышленность и к ней постепенно переходила ведущая роль в экономике России. Так что народническая идея о самобытном строе не просто фиксировала наличные условия хозяйствования в стране и не проповедовала их консервацию, а искала и находила способы дальнейшего хозяйственного развития, сама при этом развиваясь как научное знание.

Что касается самих народников, то они чаще всего тот строй, к утверждению которого призывали, называли социалистическим и не боялись этого термина. Поэтому их концепцию вполне можно оценивать как концепцию *аграрного (крестьянского) социализма*. Народническая модель социалистического хозяйства в России по многим позициям существенно отличалась от марксистской и представляла собой оригинальную версию развития российского хозяйства как национально ориентированного и реализующего на практике российский путь в экономике. Отказываясь от ортодоксально марксистской идеи урбанистически-индустриального социализма как универсального русские на-

¹⁵См. Рязанов В.Т. Политическая экономия особенного: начала русской исследовательской традиции // Российский экономический журнал. 2011. № 5. С. 22–48.

родники этим смогли выйти на проблему множественности форм социалистического (посткапиталистического) общественно-экономического переустройства и одновременно выработали весьма перспективный вариант его осуществления применительно к России. Обоснованная ими модель аграрного социализма примиряла город и деревню, крестьянство и рабочий класс и в конечном счете выступала одним из направлений сближения линий общественно-экономической эволюции Запада («города») и России («деревни»).

Экономическую модель народников вполне можно называть и некапиталистической в том современном контексте, когда имеется в виду направить развитие экономики страны не по западному капиталистическому канону, воспроизводя его старые отработанные схемы, а с акцентом на применение нестандартных решений, обобщая опыт и тенденции, накопленные в ходе непрерывной эволюции капитализма. (В.П. Воронцовым она мыслилась и трактовалась как отказ от «подражательного типа развития»).

В противоположность всем тем, кто стоял на позиции повторения западной схемы первоначального накопления капитала с последующей форсированной индустриализацией страны, ими были разработаны исходные рубежи для альтернативного варианта экономического подъема. Его содержание состояло в следующем:

- обеспечить экономическое развитие и индустриализацию страны не путем массового разорения и обнищания крестьянства, а улучшая его жизненные условия, опираясь на его экономические интересы. (Для этого, напомним, предлагалось отказаться от помещичьего землевладения и проводить политику поддержки крестьянских хозяйств);
- сделать ставку на начальном этапе не на рынок средств производства, а на создание и быстрое развитие рынка потребительских товаров благодаря расширению массового спроса населения. (Тем самым запускалась воспроизводственная цепочка в проведении курса на самоиндустриализацию за счет развития внутреннего рынка: рынок потребительских товаров → рынок средств производства для сельского хозяйства → рынок средств производства для производства средств производства);
- использовать не традиционные капиталистические методы первоначального накопления капитала, а искать опору в народнохозяйственных интересах, активно задействовав для этого государство. (Современный опыт

Японии и других новых индустриальных стран подтверждает высокую эффективность такой политики при правильном ее проведении);

- проводить назревшие коренные изменения не путем революционных скачков, разрушая сложившийся тип национального хозяйства, а реформируя и постепенно преобразуя его. (То, сколь эффективен такой метод обеспечения преобразований, продемонстрировал многообразный опыт, полученный в XX в.).

Наконец, обратим внимание еще на одно достоинство подхода народников к роли внешних рынков для России. Оно связано с определением последствий активного вхождения российского хозяйства в международное разделение труда на базе капитализации ее экономики. Объективные закономерности развития капитализма внутри страны и мирового капиталистического хозяйства, высокий уровень конкуренции на мировых рынках, обостряющаяся борьба за рынки сбыта закономерно выталкивали национальное хозяйство России на периферию международного разделения труда. При том варианте развития, в какое попала Россия, ей с неизбежностью была уготована роль аграрно-сырьевого придатка мирового рынка.

Наращивание экспорта зерна часто подается как благоприятный фактор для России, а в настоящее время некоторыми исследователями и публицистами оценивается как признак приближающегося процветания, которому помешала революция. Однако здесь далеко не все так однозначно, на что и обратил внимание Воронцов. Дело в том, что русский хлеб был допущен на европейский рынок в силу выгоды для западных потребителей, а не российских производителей, служа интересам развития их экономик, а не нашей. В Европе к этому времени произошло переключение сельского хозяйства с земледелия на животноводство, которое является менее трудоемким производством, в меньшей степени зависящим от капризов погоды, с более равномерной трудовой нагрузкой в течение года, производящим более качественную продукцию, а в силу этого и более выгодной отраслью хозяйства. России в этой ситуации была уготована роль заниматься менее эффективной хозяйственной деятельностью и этим поддерживать перспективные отрасли в Европе, что обеспечивалось протекционистской политикой основных европейских стран, за исключением Англии, в отношении импорта продукции животноводства. Причем такая нежелательная специализация закреплялась, сужая возможности как для общего экономического подъема, так для подъёма в аграрном секторе.

Это означает, что позиция народников в вопросе о роли внешних рынков для экономического развития России была более провидческой, что неудивительно, так как именно они выдвинули в качестве приоритетной защиту национальных интересов. Их же оппоненты, отстаивая вроде бы благую идею перехода от «отсталого» к «прогрессивному» хозяйственному строю, вместе с тем при ее реализации подталкивали Россию к занятию места в международном разделении труда как поставщика аграрного и промышленного сырья.

Какой же в действительности оказалась судьба российского пути развития в экономике?

Формально есть основания считать, что он потерпел крушение. Ведь общественные силы, которые его непосредственно разрабатывали и пытались провести в жизнь (речь идет о партиях и течениях народнического толка), не смогли удержаться у власти и затем вообще исчезли с политической арены страны как самостоятельные движения (эсеры, к примеру, в 1923 г.). Между тем даже такое поражение в принципе еще не свидетельствует о нежизненности того варианта общественно-экономического развития, который за ним стоял.

Ведь отстранение от власти политических партий, ближе всего примыкавших к народнической экономической платформе, не устранило потребности в самобытном пути развития. И это определялось характером развития российского хозяйства на собственной основе. И чем ближе большевики подходили к завоеванию власти, тем все больше их экономическая программа становилась похожей на народническую. Большевики смогли взять и удержать власть во многом благодаря тому, что воспользовались лозунгами и программными установками, лежащими в основании народнической идеологии. Она наиболее последовательно отражала потребность в формировании национально ориентированной экономики и точнее всего соответствовала общественным настроениям. Речь идет прежде всего о «Декрете о земле». Хорошо известно, что он был подготовлен на основе местных крестьянских наказов и отражал суть эсеровской программы социализации земли, реализовать которую они не смогли. В результате получилось так, что, по образному выражению Троцкого, большевикам удалось «политически усыновить» ее.

Еще более значимым фактом с точки зрения признания народнических истоков в экономической политике послереволюционного периода является нэповская альтернатива «военному коммунизму», которая побеждает в начале 20-х гг., а также о ее сохранении в конце 20-х гг. и противостоянии политике форсированной индустриализации и насильственной коллективизации. Если вдуматься в экономический смысл указанных альтернатив, то есть достаточные

основания для вывода о том, что они оказались весьма близкими к разрабатываемой народниками платформе общественно-экономического развития и преобразования России.

Отход от политики «военного коммунизма» показывает, как круто изменились взгляды Ленина на природу и судьбу кооперации в послереволюционной России. Выделим основные этапы в этой эволюции. Хорошо известно, что в до-революционный период Ленин, занимая традиционные и ортодоксальные марксистские позиции, весьма скептически относился к кооперации, как и вообще к идее «кооперативного социализма», которую считал «утопической». Для него кооперация выступала в качестве побочного и подчиненного элемента господствующего индустриально-урбанистического строя, задача которого сводится к обслуживанию последнего. Главным же должен стать общественный (государственный) уклад, основанный на крупном машинном производстве.

После Октябрьской революции, когда перед большевиками встали задачи воплощения социалистического переустройства, Ленин попытался опереться на имеющийся институт и аппарат кооперативного движения как на один из способов их реального осуществления. Уже в декабре 1917 г. им был разработан план создания общероссийской сети «потребительно-производственных коммун» на базе существовавших потребительских обществ, поэтому он обосновывал необходимость их национализации и «поголовного» включения в них всего населения. Фактически речь шла о том, чтобы заменить ими капиталистическую денежную и финансово-банковскую систему обмена и распределения. Можно считать, что такого рода попытки отражали давнее пренебрежительное отношение к кооперации не как институту самостоятельности и творчества масс, а как возможному наряду с самим государством способу перехода к социалистическому нетоварному производству и обмену.

После крушения политики «военного коммунизма» с ее антирыночной доминантой вновь встал тот же вопрос: как можно реально хозяйствовать на социалистических принципах. И вполне закономерным представляется еще одно обращение Ленина, для него последнее, к кооперативному опыту. С началом нэпа и особенно в одной из последних его статей «О кооперации» (1923), отходя от догматического марксизма с активным неприятием частной собственности и рынка, Ленин формулирует идею нэпа как переходу к «необычному госкапитализму», у которого есть преемственная связь с обычным и который проявляется, в частности, в такой его разновидности как «кооперативный капитализм»¹⁶.

¹⁶ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 45. М., 1980. С. 374.

Отсюда и коренным образом меняются представления о природе социализма и его строительстве. Получается так, что кооперация дает «все необходимое для построения полного социалистического общества»¹⁷. Значит, сама она положительно оценивается как институт народного творчества и самоуправления. В этом случае социализм мыслится как «строй цивилизованных кооператоров».

Этим В.И. Ленин подошел к своему варианту смешанной экономики, включающей пять укладов. В традиционной социалистической историографии такое изменение взглядов подавалось как «ленинский план строительства социализма». Однако более точным определением его как обращения к взглядам и идеям своих недавних оппонентов и политических противников. Возможно, что такую смену ориентиров можно трактовать как способ «примирения» народничества с марксизмом.

Причем нэповская альтернатива и на практике подтвердила высокую результативность в решении исключительно трудных задач преодоления разрухи, восстановления порядка и налаживания нормальной жизни. Не исключено, что при ее продолжении в эпоху индустриализации страны она также могла бы продемонстрировать неплохие результаты. Во всяком случае, о наличии высокого практического потенциала разрабатываемой народниками программы преобразований российского хозяйства свидетельствуют исторически признанные положительные достижения нэпа.

Его идеи, связанные с использованием потенциала многоукладности в рыночной экономике, как раз воспроизводили те принципиальные установки, которые проповедовали экономисты-народники. В этом смысле нэп может рассматриваться как своеобразная послереволюционная реконструкция экономической платформы народничества, дополненная предреволюционным опытом рыночного реформирования (прежде всего в виде повторения введения золотого стандарта Витте в денежной реформе Сокольников).

То, против чего ранний Ленин выступал, реальная жизнь заставила применить. Исторически сложившийся хозяйственный строй обеспечил свое воспроизводство на собственной основе. Наличные объективные условия и ограничители, традиции и экономические стереотипы оказались сильнее, чем умозрительные социалистические проекты. Процесс общественно-экономического развития и хозяйственные преобразования пошли по тому руслу, которое ранее уже было проложено. И сегодня об этом не следует забывать, когда предпринимается попытка воплотить очередной радикальный проект, на сей раз либеральный.

¹⁷Там же. С. 370.

Безусловно, говорить о полном совпадении идей и о их реализации большевиками на деле народнического варианта преобразований в России значило бы противоречить реальной истории. При всех совпадениях все же реализовывался социалистический проект, который при этом значительно оторвался от исходных марксистских установок.

То, что в ходе социалистического строительства произошло проникновение народнических идей в экономическую политику, не носило случайного характера, а объяснялось потребностью создания национально ориентированной экономики. За этим фактом следует видеть признание способности сложившегося хозяйственного строя обеспечить свое воспроизводство на собственной основе. Наличные объективные условия и ограничители, традиции и экономические свойства хозяйствующих субъектов оказались сильнее умозрительных планов создания некоего идеального общества по марксистским рецептам. Заметим, что в настоящее время аналогичная ситуация складывается с либеральным проектом для России. Мощное подводное течение, а это весь комплекс самобытных условий хозяйствования, постепенно разворачивает экономику с заданного либерального курса. Такие развороты не удивительны, поскольку общественно-экономическая система воспринимает корневые черты самого общества, преобладающие черты человеческого материала.

Что изменилось во взглядах последователей народничества на природу экономического строя России в послереволюционный период?

Наиболее ярко новый подход нашел отражение в работе видного идейного и политического лидера позднего народничества В.М. Чернова «Конструктивный социализм» (1925), составленной из его переработанных статей 1920-х гг.¹⁸ В первую очередь в выработанной им политико-экономической платформе был существенно усилен акцент на необходимость обеспечения демократизации всех сфер жизни общества. Вполне понятно, что такое усиление прямо противопоставлялось курсу большевистского руководства на диктатуру пролетариата (фактически партии) и нарастающей волне бюрократизации. Демократизация мыслилась как противостояние от антисоциалистического перерождения и как способ отстаивания самооценности индивида. В свою очередь демократическая модель социализма требовала использования самоуправления, самоорганизации, народовластия.

Сохранилась и получила дополнительное обоснование идея «крестьянского социализма» в виде развертывания кооперативного движения. Привер-

¹⁸ Чернов В.М. Конструктивный социализм. М., 1997.

женность ему отражала характерное мировоззренческое качество самого народничества — мыслить и действовать не с позиции абстрактных схем и представлений о прогрессе, народном благе и социализме, а конкретно и приземленно. Поэтому и сохраняющаяся верность социализму у Чернова получала свое логическое выражение как защита конкретных интересов большинства населения, каковым в России было крестьянство. Отсюда отстаивание приоритетности аграрного развития, необходимость согласования с ним задач проведения индустриализации страны.

Наконец, в послереволюционный период Чернов принципиально переосмысливает роль государственного вмешательства в экономику. По этому вопросу произошло размежевание с большевистским руководством, связанное с отходом от традиционных для социалистов завышенных представлений о роли государства, которые приводили к фактическому отождествлению социалистического переустройства экономики с ее огосударствлением. Вместо этого предлагалось сделать ставку на социализацию промышленности, которая означала децентрализацию государственной собственности и разработку системы управления, соединяющую интересы производителей, потребителей и центральных государственных органов. Социализация промышленности соответствовала политике социализации земли, выдвинутой еще до революционных событий, позволяя реализовать демократический социализм в индустриальной сфере. Этим получала развитие давняя народническая идея смешанной экономики, но не столько с сильным государственным сектором (как это задумывалось до революции), сколько с сильным государственным дирижизмом, который впоследствии получил широкое распространение в странах позднего капитализма.

В заключение сформулируем такой вывод. В народнической стратегии хозяйственного развития есть достоинства и недостатки. Вместе с тем при ее оценке обратим внимание на одно немаловажное обстоятельство. Идеи и предложения о самобытном и некапиталистическом пути развития России, выдвинутые народниками, были мотивированы как внутренними, так и внешними условиями, вся совокупность которых подводила к такому неординарному в то время выводу. Историческая заслуга народников как раз заключается в том, что они первыми предприняли попытку осмыслить данную проблему в экономической сфере, выработать программу действий, отстаивающую национальные интересы России. На современном этапе такой подход важен для точного и глубокого понимания исторических корней российской экономики, оценки и успешного использования накопленного опыта реформирования и признания наличия многовариантности и альтернативности развития на любом его этапе. Это должно

приниматься во внимание в поиске наиболее эффективных стратегий преобразования экономики России и усиления ее конкурентных позиций в мировом хозяйстве на современном этапе.

Источники и литература

1. *Баттистрада Ф.* Народничество и большевизм // Свободная мысль. 1991. № 16.
2. *Бердяев Н.А.* А.С. Хомяков. М., 1912.
3. *Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990.
4. *Булгаков С.Н.* О рынках при капиталистическом производстве: Теоретический этюд. М., 1897.
5. *В.В. [Воронцов В.П.]* Судьбы капитализма в России. СПб., 1882.
6. *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений. Т. 27. М., 1984.
7. *Ленин В.И.* О кооперации // *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. Т. 45. М., 1980.
8. *Леонтьев К.Н.* Восток, Россия и славянство. М., 1996.
9. *Николай-онъ [Даниельсон Н.Ф.]* Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства. СПб., 1893.
10. *Рязанов В.Т.* Экономическое развитие России. Реформы и российское хозяйство в XIX–XX вв. СПб., 1998.
11. *Рязанов В.Т.* Политическая экономия особенного: начала русской исследовательской традиции // Российский экономический журнал. 2011. № 5. С. 22–48.
12. *Струве П.Б.* Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России. СПб., 1894.
13. *Струве П.Б.* Patriotica: Сборник статей за пять лет. СПб., 1911.
14. *Чаадаев П.Я.* Статьи и письма. М., 1989.
15. *Чернов В.М.* Конструктивный социализм. М., 1997.